

ПУБЛИКАЦИИ АСПИРАНТОВ

УДК 821.111

Володина А. В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ЮГ ЦВЕТУЩИЙ И ЮГ ОТЦВЕТАЮЩИЙ: СИМВОЛИКА РАСТЕНИЙ В РОМАНАХ У. ФОЛКНЕРА

Аннотация В статье рассматривается специфика использования Фолкнером символики растений в романах «Шум и ярость» и «Авессалом, Авессалом!» в рамках классической южной мифологемы «Юг – цветущий Эдем». В качестве сравнительного материала южной традиции взяты плантаторские романы Дж. Такера «Долина Шенандоа или Воспоминания Грейсонов» и Дж. П. Кеннеди «Суоллоу Барн». В исследовании проанализированы классические растительные метафоры южного романа и их переосмысление Фолкнером в соответствии с представлением о Юге как об утраченном Эдеме.

Ключевые слова: Фолкнер, литература Старого Юга, южный миф, южный Эдем, плантаторский роман.

A. Volodina

Lomonosov Moscow State University

THE SOUTH IN BLOOM AND THE WITHERING SOUTH: PLANT SYMBOLISM IN W. FAULKNER'S NOVELS

Abstract. In the article, W. Faulkner's plant symbolism in the novels "The Sound and the Fury" and "Absalom, Absalom!" are analyzed as a part of Southern Eden myth in comparison with the traditional plantation novels of G. Tucker "The Valley of Shenandoah or, Memoirs of the Graysons" and J.P. Kennedy "Swallow Barn". Classical plant metaphors of American Southern novel are in the focus of attention, as well as their reinterpretation by Faulkner and his image of the South as lost and degrading Garden of Eden.

Keywords: Faulkner, literature of the Old South, Southern myth, Southern Eden, plantation novel.

Важной составляющей мифологемы Юга – края ярких красок и буйного цветения – несомненно, была концепция его божественной благословенности, изобилия и плодородия, что позволяло проводить параллели с Эдемом или Аркадией [6], потому символике растений в южной культуре уделялось большое внимание. В южном романе «чётко проявляется определённый набор художе-

ственных образов и средств, характерных для мифологического восприятия Юга, – солнечный край с буйной вечнозелёной растительностью и благоухающими неувядающими цветами» [1, с. 160]. Усадьбы в романах Дж. Такера и Дж. Кеннеди заполнены цветущими садами, их названия напрямую связаны с деревьями – Вязы, Чащи, Буки. Деревья олицетворяют силу рода, мощь жизни – величественные и мощные, стеной они окружают южный дом, создавая эффект неприступности и непоколебимости устоев. Цветы же, как правило, являются атрибутом южных леди, подчёркивая их красоту, невинность, хрупкость и чистоту: девушки уподобляются розам, лилиям, магнолиям. Так, в классическом плантаторском романе Дж. Такера «Долина Шенандоа или Воспоминания Грейсонов» (1824) цветы служат утешением миссис Грейсон, напоминая о великом замысле Творца и красоте всего сущего, «розой» ласково называют Луизу Грейсон, сама же Луиза, объясняя своей благоразумной подруге Матильде разницу между ними в романтических отношениях, сравнивает ту с розой, строгой и недоступной, а себя – со слабым вьюнком.

Традиция изображения Юга как пышного райского сада была прервана гражданской войной 1861-1865 гг. Оправляясь от поражения, южане с тоской обращаются к довоенному времени как к золотому веку, сравнивая его с принесшим смерть и разрушение в их Эдем позолоченным веком Севера. Именно таким – безнадежно осквернённым и бесплодным – и предстаёт Юг Фолкнера. «Мы обрели покой, нас охватило безразличие, напоминавшее слепую бесчувственность самой земли,

что даже и не грезит о распускающихся листьях и цветах, не внемлет божественному шелесту молодых побегов, которые она сама питает» [3, с. 472]. От его Эдема веет богооставленностью, проклятием, словно Бог не стал изгонять из райского сада согрешивших людей, а подверг Эдем тому же наказанию, что и их, – обречённости на вечное умирание. Повсюду рассыпаны метафоры сна и смерти: цветы появляются или увядающими, или же на могилах, а вечнозелёная растительность оказывается неспособной на цветение, словно навечно замершей, обездвиженной во времени. Фолкнер не склонен к использованию клишированных метафор («девушка-цветок», «Юг – цветущий сад»); хотя в его романах и присутствует растения-лейтмотивы (жимолость и можжевельник), чаще речь идёт о некоей абстрактной растительности, не названной, не конкретизированной.

Так, на протяжении всего романа «Шум и ярость» (1929) цветок¹ является постоянным спутником единственного примера чистоты и невинности помыслов в семействе Компсонов – слабоумного Бенджи. Несмотря на то что цветок постоянно отбирают, кидают на землю, пытаются осквернить и осмеять, Бенджи – единственный праведник из всех Компсонов (символичен и его возраст на начало повествования – тридцать три года) – упорно удерживает цветок в руке как воплощение своей невинности. В фи-

¹ В тексте упоминается, что это нарцисс (символ смерти в юности), потому можно было бы сопоставить нарцисс с замершим в вечном детстве Бенджи, однако, поскольку уточнение даётся лишь единожды и в дальнейшем этот мотив не развивается, такое сопоставление может оказаться неоправданным.

нальной фразе романа¹ прочитывается параллелизм: как на своём месте стоят деревья и дома, так и цветок в руке Бена находится там, где и должен быть.

Поначалу – до потери невинности – Кэдди тоже была вписана в растительный мир («Кэдди пахнет листьями, <...> Кэдди пахнет деревьями» [3, с. 15]) и цветы, и светлые тона были её атрибутом, как и положено южной леди: «в волосах цветы, и длинная вуаль, как светлый ветер» [3, с. 39]. Контрастной предстаёт сцена на кладбище, в которой Кэдди в следующий раз окажется вблизи цветов («и только у самой уже почти могилы увидел её: стоит в чёрной дождевой накидке и на цветы глядит» [3, с. 163]) – она уже падшая женщина, обрушившая позор на семью, потому и цветы могильные, и вуаль чёрная. Также в связи с Кэдди цветы фигурируют на приглашении на свадьбу, ведущую к изначально бесчестному фальшивому браку: «...на конверте два искусственных цветка, перевязанных грязной розовой женской подвязкой» [3, с. 79].

Если у предшественников-южан цветение – это демонстрация пышности южной природы, её мощи и жизнеспособности, то Фолкнером в цветение вкладывается прежде всего пробуждение чувственности, а цветы и запахи связываются с женственностью, но не невинно-чистой, а чувственной, соблазнительной.

Лейтмотивом «Шума и ярости» будет, безусловно, навязчивый запах жи-

молости², ассоциирующийся для Квентина с главным воплощением женского начала в его жизни – сестрой. Пьянящий, пробуждающий кровосмесительное желание, эвфемистически подменяющий его («жимолость накатывает влажными волнами» [3, с. 127]), этот аромат для Квентина неотвязно сопутствует блуду Кэдди («Ты думала я в доме остаюсь, где не продохнуть от проклятой жимолости, где стараюсь не думать про гамак рошу тайные всплески» [3, с. 122]).

Если же цветение не провоцирует на грехопадение, то оно – вопреки своей природе – связано с угасанием. «Груша росла там у самого дома. Она была в цвету, ветви скреблись и шуршали о стену, и вместе с пылинками мороси в окно несло грушевым печальным ароматом» [3, с. 227], «цветы сухие выются, и ветер шуршит ими» [3, с. 20].

В романе «Авессалом, Авессалом!» (1936) речь идёт уже не о постепенном упадке традиционной южной семьи, а об изначально проклятом семени, потому в дикой болотистой Сатпеновой Сотне нет места цветам. «Дымчатые олени лёгким шагом подбегали совсем близко, оставляя еле заметные следы на симметричных клумбах, которые ещё четыре года простоят без цветов» [4, с. 372]. Закономерно, что главным – и чуть ли не единственным – растением романа оказывается можжевельник (символ смерти), тёмный и колкий, не способный на цветение – лишь на усыхание. Всё семейство Сатпеносв схищено в можжевельниковой роще: «три одинаковых надгробья с надписями,

¹ «Над цветком, сломанно поникшим из руки, взгляд Бена был опять пуст, и синь и светел, а фасады и карнизы уже вновь плыли слева направо; столбы и деревья, окна, двери и вывески – всё на своих назначенных местах» [4, с. 256]

² В романе Дж.П.Кеннеди «Суоллоу Барн» опьянённый ароматом роз и жимолости Нед Хазард необдуманно открывает свои чувства возлюбленной, лишаясь её расположения.

выведенными одинаковыми буквами; они слегка покосились в мягком су-глинке, густо усыпанном гниющими иглами можжевельников» [4, с. 505]. На могилы не приносят цветов, гниющие тела покрыты сверху лишь гниющими иглами.

Единственным проводником чувственного южного цветения и пробуждения в эту мёртвую обитель оказывается Шрив, знающий Юг лишь по рассказам Квентина: «Там растёт кизил, цветут фиалки и другие ранние цветы, которые не пахнут, но земля и ночи ещё прохладные, и на чёрной ольхе, на иудином дереве, на буке и клёне наливаются липкие тугие почки, похожие на девичьи соски, и даже от виргинских можжевельников веет чем-то молодым» [4, с. 617]. Он же в своём воображении окружает цветением и встречи Джудит Сатпен с Чарльзом Боном: «Они медленно проходят мимо, в том ритме, который отмечают и отмеряют не глаза, а сердца, проходят и скрываются за какими-нибудь зарослями или за кустом, сверкающим звёздами белых соцветий – жасмина, таволги или жимолости, а может, даже китайской розы с россыпью лишённых аромата мелких цветочков» [4, с. 592] – словно подспудно желая увидеть зарождение чувств на весеннем фоне, тогда как следующим же предложением напоминает: их реальные прогулки пришлось на зиму, а значит, не могли быть овеяны весенними ароматами – лишь тем же можжевельником, и чувства их не расцвели, а изначально были бесплодными.

Лишённая женской нежности и хрупкости Джудит, подобно падшей Кэдди, не может ассоциироваться с цветком: её окружает тот же сухой

можжевельник (убирает сухие листья и иглы с могил). С цветком же вопреки канону связывается её возлюбленный: «Бон изображал томный, изящный, загадочный тепличный цветок <...>, вокруг которого бабочка Эллен беспечно порхала и трепыхалась последние дни своего бабьего лета» [4, с. 420], что может объясняться как женственностью Бона¹, так и его относительной обособленностью от Сатпен, чуждостью их миру. Главный цветок – магнолия, эта эмблема Юга (символ Луизианы и Миссисипи) – «воплощение нравственной чистоты и белизны южного сообщества» [1, с. 162], неоднократно связывается с женщиной, явно не отвечающей идее чистоты и благородного происхождения, – с любовницей Бона, окторонкой по крови («женщина с лицом трагически прекрасным, как цветок магнолии, воплощение вечной женственности...») [4, с. 435]).

Полноценно реализуется метафора «леди-цветок» в Розе Колдфилд – героине с говорящим именем, так и не распустившемся цветке, старой деве, лишённой детства и молодости, единственная помолвка которой так и не кончилась свадьбой: «...не стану говорить вам о цветенье, ведь на меня ещё ни разу ни один мужчина не взглянул – и никогда не взглянет – дважды; я не ребёнок, а нечто меньшее, чем ребёнок, не женщина, а нечто даже меньшее, чем существо женского пола. Не стану говорить я и о листьях – я, жалкий, бледный, хрупкий, полураспу-

¹ Цветок и мотылёк – классическая метафора романтических отношений, в которой роль цветка отводится возлюбленной. Здесь же роли перемешаны дважды: во-первых, цветком оказывается юноша, во-вторых, мотыльком выступает даже не невеста, а подменяющая её собой мать.

стившийся листок, чересчур пугливый и робкий, чтобы привлечь к себе нежного майского мотылька, товарища любовных детских игр, или дать отдых сладострастным хищникам – пчёлам и осам. <...> Да, я распускалась – жалкий бутон неведомого семени, ибо кто станет утверждать, что какой-нибудь кривой забытый корень в один прекрасный день не пустит ростков и не покроется роскошными и яркими цветами лишь потому, что этот шишковатый корень не погиб, а просто, позабытый всеми, спал?» [4, с. 461]

Таким образом, в обращении Фолкнера к растительной символике проявляется как следование южной традиции – в подчёркнутой взаимосвязи персонажей и растений, силы рода и цветения, так и её преодоление, переосмысление в обратном ключе: на смену уподоблению южан неумирающей природе приходит уподобление природы смертным южанам. Классическая мифологема «Юг – цветущий Эдем», подчёркивающая богоизбранность, а значит, и бессмертие Юга, оказывается несостоятельной – Юг вымирает, увядает в буквальном смысле. Оптимистически выписанные Такером и Кеннеди цветущие поля и леса у Фолкнера заменяются болотами, цветы не распускаются или же вянут на могилах, буйное цветение оказывается не пробуждением природы, а скорее

шагом к умиранию, грехом или вовсе выдумкой северянина, а единственной южной леди, которая сравнивается с цветком, оказывается старая дева, бесплодная, как бесплодна проклятая, отнятая у природы земля.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Морозова И.В. «Южный миф» в произведениях писательниц Старого Юга: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2004. 247 с.
2. Трессидер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 448 с.
3. Фолкнер У. Авессалом. Авессалом! Собрание сочинений в 6 томах. Т. 2: Свет в Августе. Авессалом, Авессалом! М.: Художественная литература. 1985. 687 с.
4. Фолкнер У. Шум и ярость. Шум и ярость. Свет в августе. М.: Правда, 1989. 608 с.
5. Kennedy J. P. Swallow Barn, or, A Sojourn in the Old Dominion. N.Y.: Harcourt, Brace and Co, 1929. 422 p.
6. MacKethan L. H. The Dream of Arcady: Place and Time in Southern Literature. Baton Rouge; London: Louisiana State University Press, 1980. 229 p.
7. Tucker G. The Valley of Shenandoah: or, Memoirs of the Graysons: 3 vols. [Электронный ресурс]. N.Y.; L.: C.Wiley, 1925. – Vol. 2. 318p. Vol. 3. 293 p. URL: Vol. 2 <https://archive.org/stream/valleyshenandoa01tuckgoog#page/n5/mode/2up>; vol. 3. <https://archive.org/stream/valleyshenandoa00tuckgoog#page/n6/mode/2up> (дата обращения: 17.06.2014).